

Н. А. Слука

ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДСКИХ РЕГИОНАХ

Рассматриваются основные аспекты движения населения в исторических ядрах ведущих глобальных городских регионов мира в глобализационный период. Цель исследования — на основе сравнительного анализа выявить и охарактеризовать как общие, модельные, так и индивидуальные черты процесса демографической модернизации.

This article focuses on the key aspects of population development in the historical cores of leading global city regions at the stage of globalisation. The research is aimed to identify and describe the common – model – and individual features of the demographic modernisation process.

Ключевые слова: глобальный городской регион, ведущие глобальные центры, миграционное и естественное движение населения, типы динамики людности.

Key words: global city regions, leading global centres, migration and natural population change, types of population change dynamics.

В последние десятилетия повышенный научный интерес вызывает развитие городских формаций в контексте стремительного хода общепланетарных процессов. В условиях глобализации и транснационализации все больший вес в мировой системе приобретают глобальные городские регионы¹, формирующиеся как важнейшие узлы мирохозяйственных связей и международных отношений. Представляя собой обширные урбанизированные ареалы с мощной экономикой, они являются местоположением штаб-квартир крупнейших ТНК, ТНБ и специализированных фирм деловых услуг; центрами генерирования инноваций; ключевыми «игроками» практически на всех мировых рынках и т. д. Нарастание интенсивности и комплексности взаимодействия глобальных городских регионов привело к возникновению совершенно особого образования — единой транснациональной урбанистической системы мира, строящейся на основе сетеузловых структур [9; 10; 12]. Одна из важных ее характеристик — довольно жесткая соподчиненность центров. Согласно различным рейтингам и классификациям, их высший «командный состав» представляют Лондон, Нью-Йорк, Париж и Токио. Группу рангом ниже формируют Лос-Анджелес, Сингапур, Сянган (Гонконг), Франкфурт-на-Майне, Чикаго. В следующую категорию входят еще около 20 городских регионов, включая Брюссель, Мадрид, Милан, Москву, Сан-Паулу, Сеул и некоторые другие [15; 29—31 и др.].

Ключевое положение глобальных городских регионов на основных, по И. Валлерстайну [1; 33] аренах «коллективного действия», формирующих мировую систему, подтверждено многими авторитетными научными трудами и не вызывает сомнений. Однако «за кадром» исследований с позиций геополитики и геоэкономики остается вопрос обратных связей, изучения характера трансформаций внутренних структур глобализирующихся городов, в том числе в демографическом комплексе. Вместе с тем особое значение антропоцентрического подхода в исследовании тесно связано, по крайней мере, с тремя моментами. Во-первых, все современные процессы в глобальных городских регионах основаны и неразрывно связаны с повышением роли человеческого фактора, или, как сейчас чаще говорят, — человеческого капитала. Во-вторых, именно в глобально-городских образованиях, в отличие от прочих территорий, особенности демографического развития формируются под воздействием наибольшего количества «сил» различного иерархического ранга — глобальных, региональных, национальных и локальных. В-третьих, структурные сдвиги в народонаселенческом комплексе ведущих городских регионов в условиях глобализации носят пионерный и одновременно сложный, часто противоречивый характер. Раскрытие общих тенденций и закономерностей развития — путь к пониманию и предсказанию трансформаций всей мировой урбанистической системы.

При комплексном исследовании формирования населения глобальных городских регионов большое значение имеет анализ динамики и источников изменения их людности. Самостоятельный сюжет — изучение движения населения в исторических ядрах мировой элиты регионов — ведущих глобальных центрах (далее ВГЦ). Под таковыми понимаются сопоставимые по основным территориальным и демоэкономическим характеристикам, хорошо освещенные в

¹ Термин появился в специальной литературе сравнительно недавно, в конце 1990-х гг., в частности, в работах американского географа А. Скотта [24; 25]. Феномен глобального городского региона пока мало исследован и требует отдельного рассмотрения, в том числе в плане его места в иерархии современных территориальных социально-экономических систем [11].

национальной статистике, Большой Лондон, Иль-де-Франс, Нью-Йорк Сити и столичная префектура Токио. Временные рамки исследования охватывают период 1970—2000-х гг., то есть период начала и постепенного углубления глобализационных процессов, и по срокам удачно совпадают с принятой в демографии категорией так называемой длины условного поколения. Это позволяет проследить наиболее существенные изменения в населении ВГЦ за один цикл обновления поколения.

Ключевые глобальные городские регионы и их центры характеризуются весьма скромными параметрами динамики людности. Среднегодовые темпы роста населения в них колеблются в пределах 0,1—0,5 %². Так, за 1970—2006-е гг. прирост людности агломерации Большого Нью-Йорка составил около 2,5 млн чел., в том числе в Нью-Йорк Сити — всего лишь 319,6 тыс. чел., или в среднем менее 10 тыс. чел. в год. Невысокими темпами и преимущественно за счет периферийной зоны увеличивалась численность жителей в столичных регионах Японии и Франции. К 2006 г. население Токио в пределах столичной префектуры достигло 12,7 млн чел., или на 1,3 млн больше, чем в 1970 г., Иль-де-Франса — 11,7 млн чел. (на 2,2 млн). Одинаково число жителей в 1971 и 2007 гг. в Лондоне — 7,5 млн чел. [6; 17; 28; 32]. К настоящему времени ведущие глобальные городские регионы даже уступают по среднегодовым темпам прироста как всего, так и городского населения своих стран [34]. Это означает, что по скорости аккумуляции жителей их превосходят урбанистические системы иного ранга. Тем не менее все ВГЦ закрыли «глобализационный период» с положительным демографическим балансом.

Очевидно, что усредненные величины темповых показателей не дают представления об особенностях динамического ряда, уровне консерватизма или, напротив, модернизма моделей демографического развития ВГЦ. Ответ на этот вопрос дает только сопряженное изучение эволюции естественного и миграционного движения населения. В самом общем виде сочетания двух главных факторов воспроизводства населения по типу воздействия на изменение людности можно отразить в виде матрицы, представленной на рисунке 1.

Факторы динамики общей численности населения	Типы динамики населения					
	Прогрессирующий	Контрастно-факторный				Регрессирующий
		положительный		отрицательный		
		на основе естественного прироста	на основе сальдо миграции	на основе естественной убыли	на основе сальдо миграции	
Индексы	1	2А	2Б	2В	2Г	3
Естественное движение	+	+	—	—	+	—
Сальдо миграций	+	—	+	+	—	—
Демографический баланс	+	+	+	—	—	—

Обозначения: «+» — положительное значение фактора; «-» — отрицательное значение фактора. В рамках контрастно-факторного типа в зависимости от соотношения факторов выделяются подтипы: А и В — с доминантой в формировании демографического баланса естественного движения населения; Б и Г — определяющей ролью сальдо миграций.

Рис. 1. Возможные типы динамики населения по характеру формирования итогового демографического баланса

Как иллюстрируют примеры многих стран, крайние варианты матрицы («прогрессирующий» и «регрессирующий» типы) далеко не всегда и не обязательно предполагают наиболее высокие темпы прироста или убыли общей численности населения. Чаще даже именно «контрастно-факторные» типы динамики дают наибольшие объемы движения численности. Всё зависит от того, насколько один из источников изменения людности превосходит другой, от степени «перекрывания» зависят итоговые величины прироста/убыли [8, с. 122].

² Отметим, что максимальными среди первой топ-десятки глобальных городских регионов оказались среднегодовые темпы роста населения в «особых» центрах Азиатско-Тихоокеанского региона — Сингапуре и Сянгане (Гонконге). Общая численность жителей Сингапура, по данным переписи населения в 1970 г., составляла 2074,5 тыс. чел., в 2000 г. — 4027,9 тыс., по оценкам на 2006 г., — 4483,9 тыс. В Сянгане (Гонконге) она за тот же период увеличилась с 3458,0 до 6864,4 тыс. чел. [35; 36].

Миграционное движение населения. Все рассматриваемые города являются крупнейшими миграционными центрами. Ежегодный объем постоянной миграции в каждом из них достигает колоссальных величин и неуклонно растет. Только в Лондоне в 2000 г. он регулярно превышал 700 тыс. чел. в год, что почти вдвое больше, чем в середине 1970 г. [17]. Аналогичны величины для Токио, чуть меньше для Нью-Йорка и Парижа. Вместе с тем анализ общих объемов и сальдо миграций свидетельствует о ВГЦ как о центрах, обладающих достаточно высокой мобильностью населения, но с относительно низкой эффективностью миграции (табл. 1—4). Так, за 1970—2000-е гг. каждый из ВГЦ за счет механического движения потерял от 0,9 млн и более жителей. Этот факт означает, по крайней мере, два принципиальных момента. Первый из них заключается в формировании глобальных городов в качестве пропульсивных центров, то есть центров, принимающих и далее перераспределяющих людские потоки. Второй важный момент — такая миграционная схема обеспечивает интенсивность ротации, повышенную степень обновления структуры населения городов без увеличения людности.

Таблица 1

Движение населения в Нью-Йорк Сити за период 1970—2005 гг., тыс. чел.¹

Показатель	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005
Естественное движение	61,0	33,1	30,4	43,7	65,8	60,2	64,7	70,1
Сальдо миграций	-123,9	-116,1	-5,1	-18,7	-0,3	8,8	3,4	-69,5
Демографический баланс	-62,9	-83,0	25,4	25,0	65,4	69,0	68,1	0,6

¹ Приводятся данные на конкретную дату.
Составлено по: [28].

Таблица 2

Движение населения в Большом Париже за период 1962—2004 гг., тыс. чел.¹

Показатель	1962— 1968	1968— 1975	1975— 1982	1982— 1990	1990— 1999	1999— 2004
Естественное движение	80,4	87,2	78,9	90,9	98,2	118,4
Сальдо миграций	75,3	17,8	-46,5	-7,0	-61,8	-40,4
Демографический баланс	155,7	105,0	32,4	83,9	36,4	78,0

¹ Приводятся усредненные данные на каждый период.
Составлено по: [6; 22].

Таблица 3

Движение населения в Лондоне за период 1971—2005 гг., тыс. чел.¹

Показатель	1971	1981	1986	1991	1996	1999	2005
Естественное движение	21,6	14,8	23,8	36,9	40,0	43,8	60,4
Сальдо миграций	-118,0	-38,0	-22,0	-19,0	14,0	40,0	28,7
Демографический баланс	-96,4	-23,2	1,8	17,9	54,0	83,8	89,1

¹ Приводятся данные на конкретную дату.
Составлено по: [21, 23].

Таблица 4

Движение населения в Токио за период 1970—2005 гг., тыс. чел.¹

Показатель	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005
Естественное движение	173,5	131,4	81,7	63,7	33,6	18,2	16,4	2,9
Сальдо миграций	-105,8	-112,5	-98,8	3,3	-56,3	-36,2	74,3	95,8
Демографический баланс	67,7	18,9	-17,1	67,0	-22,7	-18,0	90,7	98,7

¹ Приводятся данные на конкретную дату.
Составлено по: [32].

В связи с этим особое значение получает соотношение внешней и внутренней компонент миграции. В группе ВГЦ незначительностью объемов внешней миграции выделяется Токио (5—7 % среди всех перемещающихся), традиционно находящийся как бы на обочине международных миграционных потоков. Нью-Йорк и другие глобальные города США, выросшие за счет им-

миграции, отличаются особой устойчивостью как от объема положительного сальдо внешних миграций, так и масштабов потерь населения за счет внутренних перемещений. Неофициальная столица США только за период 1995—2004 гг. «обменяла» 1667,9 тыс. чел., выехавших в другие регионы страны, на 1577,1 тыс. иммигрантов. В Париже на протяжении последних десятилетий сальдо внешней миграции превышало сальдо внутренней, однако в обоих случаях оставалось положительным вплоть до середины 1980 гг. Начиная с этого момента баланс внутренней миграции закрывается с отрицательным знаком. Противоположная ситуация сложилась в Лондоне, где как внутренняя, так и внешняя миграция до начала 1980 гг. служила фактором сокращения людности. Но в последующие десятилетия в силу ряда обстоятельств кардинально изменила знак международная миграция: по сравнению с 1981 г. к середине 2000 гг. ее объем увеличился почти втрое — с 104 до 270—300 тыс. чел. в год, а сальдо — с –6 тыс. до 50—100 тыс. чел. В результате отрицательный баланс внутренней миграции здесь периодически полностью закрывается за счет ее внешней составляющей [9, с. 180].

Таким образом, важной общей чертой развития глобальных городов является отторжение классической функции «аккумуляторов» переселенцев. Вместе с тем для столицы Японии типична «закрытая» модель миграционного движения, а остальные ВГЦ приверженцы ее «открытой» версии. В них стабильно негативные результаты механического движения населения складываются за счет отрицательного сальдо внутренней миграции, а ее международная составляющая выполняет своего рода замещающую функцию. Последняя оказывает все более заметное прямое воздействие на общую численность и состав (возрастной, половой, этнический и пр.) населения и косвенное, опосредованное — через привнесение иных образчиков репродуктивного поведения — на специфику процесса замещения поколений.

Естественное движение населения. Анализ большой совокупности крупнейших агломераций мира фиксирует большие различия в темпах и характере естественного воспроизводства населения. Немало городов как с естественной убылью населения, так и его динамичным приростом. Первые могут быть представлены, например, рядом центров стареющей Европы, в том числе Балтийского региона, вторые — многими центрами развивающихся стран. Понятно, что один и тот же уровень естественного движения населения может реализовываться при различном соотношении параметров рождаемости и смертности. В настоящее время своего рода экстремальный вариант — формирование людности в условиях одновременно очень низких показателей рождаемости и смертности — представляют азиатские города, включая Сянган, Пекин и тяготеющий к ним Шанхай, «встроенные» в реалии демографической политики КНР, Сингапур и ряд других центров (табл. 5). Его антипод — с высокими параметрами как рождаемости, так и смертности — не типичен для истинно глобальных центров, впрочем, как и модель с повышенной рождаемостью и низкой смертностью. Образчиком диаметрально противоположного соотношения уверенно и уже давно служит Москва, вместе со столицами стран Центрально-Восточной Европы.

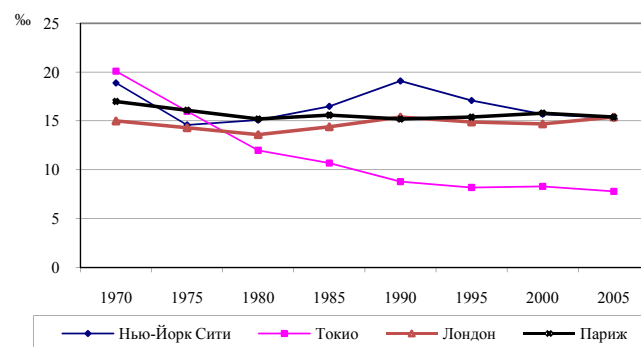
Таблица 5

Группировка глобальных городов различного ранга по уровню рождаемости и смертности населения, середина 2000 гг.

Категории		Уровень рождаемости, ‰				
		Низкий, менее 10	Средний		Высокий, более 16	
	Низкий, 10—13		Высокий, 13—16			
Уровень смертности, ‰	Низкий, менее 6	Сянган (Гонконг), Пекин	Сингапур	Лос-Анджелес, Сеул	—	
	Средний	Низкий, 6—8	Токио, Шанхай	Мадрид, Сан-Франциско	Лондон, Нью-Йорк, Париж	Сан-Паулу
		Высокий, 8—10	Берлин, Милан	Мюнхен, Рим, Франкфурт-на-Майне	Амстердам, Стокгольм	Буэнос-Айрес
	Высокий, более 10	Будапешт, Варшава, Москва, Прага	Вена, Копенгаген	Брюссель	—	

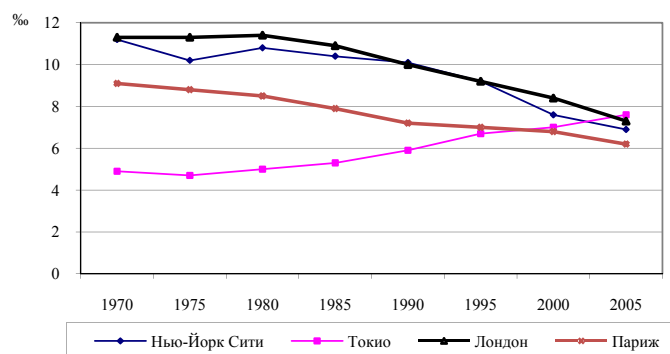
Составлено по: [3—5; 7; 14; 16—19; 26—28; 32; 35; 36; и др.].

На фоне прочих городских образований ВГЦ выделяются рядом особенностей естественного движения населения в глобализационный период. По уровню рождаемости их стартовые позиции на начало 1970 гг. были достаточно близки, но в дальнейшем тренды значительно расходятся (рис. 2).

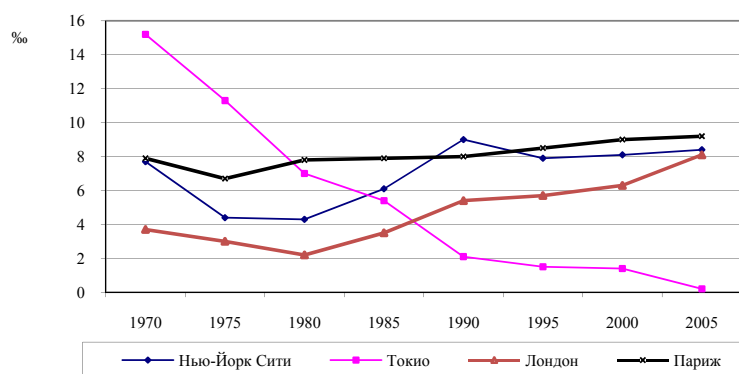
a

a

b

b

v

v

Рис. 2. Эволюция уровня рождаемости (а), смертности (б) и естественного прироста (в) населения в ведущих глобальных городах, 1970—2005 гг.

В Нью-Йорке, столицах Великобритании и Франции уровень рождаемости с небольшими колебаниями во времени был весьма консервативен и сохранялся в районе 15‰, а в Токио он уменьшился к 2007 г. более чем вдвое (с 20,1 до 7,7‰). Иная ситуация с изменением уровня смертности. В Нью-Йорке, Лондоне и Париже он изначально был относительно высок (до 11‰), но в течение всего глобализационного периода неуклонно снижался. Напротив, для Токио, обладавшего уникальными в течение 1960—1970-х гг. значениями показателя — 4,6—4,9‰, характерен четко выраженный повышательный тренд. В результате к настоящему времени в ВГЦ наблюдается схождение кривой уровня смертности в районе отметки 6,5—7,5‰.

Столь существенные расхождения в эволюции основных компонент естественного движения населения не могут быть объяснены различиями в выполняемых глобальных функциях и социально-экономических условиях развития городов. Последние во многом равноценны. С позиций классической демографии Токио имеет даже определенные преимущества с учетом «восточного» менталитета, культурных традиций, несколько повышенной устойчивости браков и института семьи, роли мужчины и женщины в обществе, социальной защищенности населения. Главная причина такой дихотомии кроется в составе населения, прежде всего возрастном, и

источниках его формирования, среди которых особое значение получает миграционный фактор. Внутренняя миграция не способна оказать существенное позитивное воздействие на естественное воспроизводство населения в Токио, в том числе и в силу репродуктивной установки на малодетность в японском обществе. Напротив, в американских и европейских городах развитие замещающей миграции, прием значительных контингентов выходцев из развивающихся стран, отличающихся прогрессивной возрастной структурой и во многом сохраняющих традиционную модель репродуктивного поведения, напрямую сказывается на росте уровня рождаемости и снижении смертности.

Прямо противоположные тенденции в развитии рождаемости и смертности обуславливают формирование различных моделей естественного движения населения в ВГЦ. На одном полюсе находится Токио, в котором снижение показателя продолжается до наших дней (0,2—0,6‰ во второй половине 2000 гг.), на другом — остальные центры со сходными и прогрессивными изменениями (рис. 2). Ныне по уровню естественного прироста населения Нью-Йорк, Лондон и Париж оказывают достойную конкуренцию многим центрам развивающихся стран и на фоне «сворачивания» воспроизводственного потенциала в сельской местности явно выделяются в качестве национальных «колыбелей» демографического благополучия. В Иль-де-Франсе в 2005 г. он почти в три раза превышал общефранцузские показатели (9,2 против 4,1‰). Парижский столичный регион, на долю которого приходится менее 20 % жителей страны, обеспечивает более 2/5 всего естественного прироста населения Франции (около 1/4 в 1970-е гг.). Еще больше впечатляет ситуация в Лондоне, где современные значения естественного прироста населения более чем втрое превосходят нижний экстремум 1980 гг. (8,1 в 2007 г. против 2,2‰). По сравнению с 1970 гг. удельный вес столицы в совокупном балансе естественного движения населения Великобритании многократно вырос и в последние десятилетия регулярно составляет около или более 50 % (например, в 2003 г. даже 70,5 %) [6; 13; 17].

Иными словами, 1970-е гг. стали точкой бифуркации демографического развития ВГЦ. Токио отчасти вынуждено проводит политику «опоры на собственные силы» и следует в кильватере общенациональных тенденций. Нью-Йорк, Лондон и Париж демонстрируют единый путь демографической модернизации. Понимая, конечно, всю условность трактовки, но, опираясь на анализ сложившейся динамики основных функций режима воспроизводства населения, эти три глобальных города можно рассматривать как своего рода анклав первой фазы демографического перехода, в течение которой по определению снижение коэффициента смертности опережает снижение коэффициента рождаемости [2, с. 109]. Подобный феномен, с нашей точки зрения, наиболее точно отразит специальный термин «ревитализация» (от лат. *re* — приставка, указывающая на повторное, возобновляемое действие и *vita* — жизнь), который буквально можно толковать как «возвращение жизни». Более того, отметим, что процесс ревитализации в этих городах происходит вопреки многим негативным тенденциям демографического развития — при снижении уровня брачности, росте разводимости, «крушении» института семьи, увеличении среднего возраста матерей при первом рождении и т. д. По всей видимости, в «организации» нового типа режима воспроизводства населения особую роль начинают играть факторы прежде всего социокультурного и психологического плана, факторы формирования новых поведенческих стереотипов людей и ценностных ориентаций, часто называемых «постматериальными».

Типы динамики людности. Казалось бы, на первый взгляд развитие демографической ситуации в ВГЦ в условиях процесса глобализации не поддается обобщающей характеристике. Они занимают разные стартовые позиции, велик разброс величин основных параметров, налицо разнонаправленность функций и процессов, неоднородны хронология и очередность смены типов движения населения и т. д. Не подлежит сомнению лишь роль естественного движения населения в формировании демографического баланса ВГЦ как стабилизирующей компоненты и миграционного фактора как дестабилизирующего звена. Однако углубленный сравнительный и покомпонентный анализ динамики населения ВГЦ все-таки позволяет выйти на определенное упорядочение представлений, уловить общую логику и выстроить гипотетическую схему произошедших и даже ожидаемых трансформаций.

За отправную точку можно принять более ранний, доглобализационный период формирования ВГЦ — этап экстенсивного роста экономики, наращивания индустриальной мощи и на этой основе привлечения и аккумуляции людских ресурсов работоспособных возрастов, в том числе в результате внутренней миграции. Быстрое увеличение численности жителей городов³ как за счет естественного, так и механического движения населения соответствует «прогрессирующему» типу

³ Факты о стремительности роста людности на этом этапе развития можно привести для любого из ВГЦ. Например, только за 10 лет (1955—1964 гг.) население так называемого Токийского столичного региона увеличилось с 13,3 до 18,9 млн чел., или на 42 % [20].

динамики людности (рис. 3). По ряду причин дольше всего он сохранялся в столице Франции. Однако накопление негативных эффектов территориальной концентрации, смена парадигмы экономического развития, прогресс в сфере транспорта и связи, появление многих новых возможностей и т. д. находят выражение в активизации процесса субурбанизации и в исторической смене направленности миграционных потоков в городах. В 1970 гг. обозначился переход от «прогрессирующего» к «контрастно-факторному» типу динамики населения (подтип 2Г) в Нью-Йорке и Лондоне, а несколько позже и в Токио, хотя и в менее выраженной форме. На этой фазе развития масштабы естественного прироста населения в городах оказались недостаточными для компенсации миграционных потерь.

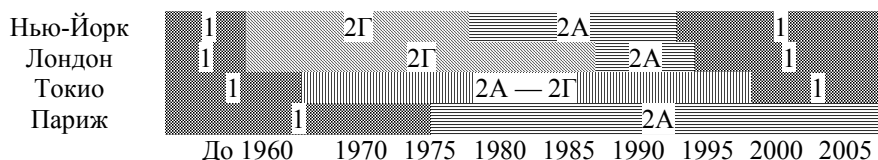

Рис. 3. Сводная схема изменений типов движения населения в ведущих глобальных городах за последние десятилетия (штриховкой и индексами обозначены типы и подтипы динамики населения согласно схеме на рис. 1)

Следующая важная веха в эволюции народонаселенческого комплекса глобальных центров тесно связана с широким включением механизма международной миграции для смягчения возникшего в результате экономического роста дефицита рабочей силы. Это довольно быстро привело не только к минимизации отрицательного сальдо перемещений, но и к некоторому оживлению в естественном движении населения. В результате демографический баланс городов стал регулярно фиксироваться положительными величинами (подтип 2А). Но, как выяснилось в дальнейшем, возникли и более серьезные эффекты. Широкое привлечение контингентов трудоспособных возрастов из третьих стран, помимо прочего, весьма благотворно сказалось на модернизации демографических структур, размывании и частичном замещении старых и формировании новых установок в репродуктивном поведении людей. В результате уже со второй половины 1990 гг. и по настоящее время естественный прирост населения в Нью-Йорке, Лондоне и Париже гораздо выше, чем на «заре» глобализационного периода, а в двух первых он подкрепляется еще и позитивным сальдо миграции, что означает возвращение к «прогрессирующему» типу динамики населения. Реализация подобного тренда предположительно вполне вероятна и в столице Франции. Даже в Токио, оказавшемся, как уже подчеркивалось, на обочине магистральных процессов международного обмена людскими ресурсами, в первой половине 2000 гг. ощутимо усиление влияния миграционного фактора и формирование динамики населения на основе его «прогрессирующего» типа.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что, несмотря на всё разнообразие и неоднозначность развития, в глобальных городах складывается свой, типический путь демографической модернизации, и это заставляет пересматривать многие устоявшиеся истины. В противоположность тенденциям глобального, регионального, национального уровней, а также многих иных крупных городских систем, основа их относительного демографического благополучия строится на факторе естественного движения населения. Другой, не менее важной, но не совсем очевидной стороной их демографической модернизации является качественное изменение роли миграции. Оно заключается в трансформации не только и, может быть, не столько ее количественных параметров, сколько в обеспечении условий для обновления состава жителей, способных к поддержанию благоприятного режима воспроизводства населения. Тем самым современные реалии глобальных центров отчасти опровергают тезис об однозначно понижающем действии крупногородской среды на естественное движение населения и о демографическом кризисе больших городов, стимулируют дальнейшее изучение данной проблематики.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Типология кризисов в миросистеме // Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 109—130.
2. Народонаселение: энциклопедический словарь. М., 1994.

3. О прогнозе социально-экономического развития города Москвы до 2012 года. Постановление Правительства Москвы № 640-ПП от 22 июля 2008 г. М., 2008.
4. *Официальный сайт Амстердама*. URL: <http://www.amsterdam.nl/> (дата обращения: 15.03.2010).
5. *Официальный сайт Вены*. URL: <http://www.wien.gv.at/> (дата обращения: 10.06.2009).
6. *Официальный сайт Института национальной статистики и экономических исследований (INSEE), раздел Иль-де-Франс*. URL: http://www.insee.fr/fr/insee_regions/idf (дата обращения: 15.06.2009).
7. *Официальный сайт Сеула*. URL: <http://english.seoul.go.kr/> (дата обращения: 10.06.2009).
8. *Слука А. Е., Слука Н. А.* География населения с основами демографии: учебно-методическое пособие. М., 2000.
9. *Слука Н. А.* Геодемографические феномены глобальных городов. Смоленск, 2009.
10. *Слука Н. А.* Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М., 2005.
11. *Федоров Г. М., Корнеев В. С.* Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 32—41.
12. *Грчић М., Слука Н.* Глобални градови. Белград, 2006.
13. *Annuaire Statistique de la France*. 2005. Vol. 108. P. 2005.
14. *Anuário Estatístico do Estado de São Paulo 2002*. São Paulo, 2004.
15. *Beaverstock J., Smith R., Taylor P.* A Roster of World Cities // *Cities*. 1999. № 16 (6).
16. *Beijing Statistical Yearbook*. 2007. Beijing, 2007.
17. *Focus on London*. L., 2001—2008.
18. *Indicateurs statistiques de la Region de Bruxelles-Capitale*. Bruxelles, 2007.
19. *Insee Ile-de-France. Faits et chiffres*. 2006. № 137.
20. *Japan Statistical Yearbook*. T., 2007.
21. *Les Cahiers d'aspects économiques de l'Ile-de-France*. Paris, Londres, New York, Buenos-Aires, Tokyo, Moscou. INSEE. P. 1981. № 13.
22. *Recensement de la population de 1999*. Paris, 2000. № 75.
23. *Regions in Figures*. London. L., 2000—2007.
24. *Scott A.* Regions and the World Economy: The Coming Shape of Global Production, Competition and Political Order. Oxford, 1998.
25. *Scott A.* Global City-Regions: Trends, Theory, Policy. Oxford, 2001.
26. *Shanghai Statistical Yearbook*. 2007. Shanghai, 2007.
27. *Statistisches Jahrbuch Frankfurt am Main*, 2007. Frankfurt am Main, 2008.
28. *Summary of Vital Statistics*. The City of New York. N.Y., 1995—2007.
29. *Taylor P.* World City Network: A Global Urban Analysis. L., 2004.
30. *The 2008 Global Cities Index // Foreign Policy*. October 15, 2008.
31. *The 2009 Global Power City Index*. T., 2009.
32. *Tokyo Statistical Yearbook*. T., 2008.
33. *Wallerstein I.* The Modern World-System. Vol. 1—3. Academic Press, 1974—1989.
34. *World Urbanization Prospects: The 2007 Revision*. N.Y., 2007.
35. *Yearbook of Hong Kong*. Hong Kong, 2007.
36. *Yearbook of Statistics Singapore*. Singapore, 2008.

Об авторе

Слука Николай Александрович, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства географического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

E-mail: gwe@geogr.msu.su

About author

Dr. Nikolay Sluka, Leading Research Fellow, Department of Geography of World Economy, Faculty of Geography, Mikhail Lomonosov Moscow State University.

E-mail: gwe@geogr.msu.su